

Глава 12

Слуга, притаившийся снаружи, едва услышав последние слова, поспешил прочь, чтобы доложить обо всём господину Вану.

— Те двое знатных гостей из столицы просили даоса Чу погадать им на будущее и на брак, — шепотом докладывал он. — Больше ничего не спрашивали. Похоже, их и впрямь сильно занимает гадание.

Господин Ван, откинувшись на спинку кресла из черного дерева, приоткрыл глаза:

— Занимает — и славно. Лишь бы сидели смирно день-другой, а там и дело с концом.

Немного подумав, он обратился к стоящему рядом управляющему:

— Завтра или послезавтра они отчаят. Устрой им прощальный пир. Пусть, уезжая, помнят о доброте нашей семьи. Глядишь, эта благодарность когда-нибудь сослужит добрую службу и господину канцлеру.

— Ох, и мудры же вы, господин!

Управляющий, засучив рукава, в восхищении поднял большой палец, льстиво улыбаясь.

В комнате Янь Хуай едва заметно кашлянул, давая понять, что соглядатай ушел. С детских лет одержимый воинским искусством, он обладал невероятно острым слухом и зорким глазом: малейший шорох в радиусе десяти метров не мог укрыться от него.

Чу Юй даже не шелохнулся. Он хотел было отпить чаю, но, коснувшись чашки, обнаружил, что та пуста. Евнуха Чэня не было рядом, и некому было вовремя заметить эту мелочь.

Янь Хуай уже потянулся за чайником, но Цзи Линьси опередил его. Подхватив сосуд, он наполнил чашку и, подобострастно согнувшись, пролепетал:

— Прошу вас, молодой господин...

Чу Юй поднял чашку и негромко поблагодарил.

Глядя на то, как красавец подносит фарфор к губам и делает глоток, Линьси выпрямился, ощущая странный прилив удовлетворения — тайное вожеление на миг было утолено, но

следом накатила еще более острая, неумная жажда.

— Даос Чу...

— Я здесь! — тут же отозвался Цзи Линьси.

Чу Юй помедлил.

Он осторожно поставил чашку на стол; в полумраке комнаты его лицо казалось божественным ликом, сошедшим с древних свитков. Он чуть приподнял подбородок, обнажая белизну шеи, и сосредоточенно посмотрел на него. Голос его звучал почти нежно:

— Когда мы с наследником Янем приехали сюда, то слышали, будто в поместье Ванов водятся призраки. Нам стало не по себе, и прошлую ночь мы провели без сна. Скажите мне... здесь и впрямь творится нечто зловещее?

Слово «призраки», слетевшее с его губ, отозвалось в воздухе ледяным, колдовским очарованием — будто в туманной ночи на краткий миг показался истинный облик лесного демона.

Цзи Линьси мгновенно протрезвел.

Он не был легковерным дураком вроде господина Вана или его сына. Его главным талантом всегда было умение вылавливать крупницы истины из обрывков фраз.

Глаза его беспокойно забегали.

«Откуда двум знатным господам, только что прибывшим из столицы, знать о призраках в доме Ванов? Если они слышали об этом в пути, почему не спросили у хозяина, а дождались момента, когда останутся со мной наедине?»

Догадка обожгла разум: красавец прибыл сюда вовсе не ради двухдневного отдыха. Судя по положению этих двоих, благоденствию семьи Ван, похоже, приходит конец.

Линьси замялся, раздираемый сомнениями.

«На одной чаше весов лежат семь тысяч ланов, на другой — этот прекрасный господин. Господин Ван велел продолжить обряды изгнания духов только после отъезда гостей. Если я переметнусь на сторону юноши, то, не дождавшись ритуалов, семья Ван пойдет ко дну. Тогда прощайте семь тысяч ланов. Неужели все мои труды обратятся в прах?»

«Это ведь семь тысяч ланов, а не семьсот и уж тем более не семьдесят...»

Пока он колебался, вновь раздался мягкий голос:

— Даос Си?

Линьси поднял голову и увидел, что юноша, подперев щеку ладонью, с легкой тревогой смотрит на него. Широкий рукав соскользнул до самого локтя, обнажая ослепительно белую кожу предплечья.

— Что такое? Вам неудобно об этом говорить?

Цзи Линьси едва не лишился дара речи, не в силах отвести взгляд.

Чу Юй проявил удивительную чуткость:

— Ничего страшного. Коль неудобно — не стоит и начинать...

— Удобно! Еще как удобно! — Линьси решился и стиснул зубы.

«В конце концов, разве я не собирался скопить эти семь тысяч как выкуп, чтобы жениться на этом красавце? Провались они пропадом! Деньги еще заработаю, а вот если упущу шанс заслужить его благосклонность — другого раза может и не быть».

«Цзи Линьси, ох и Линьси... Погибнешь ты из-за этой красоты!» — проклял он себя в душе, но исправить свою порочную натуру сластолюбца был не в силах.

Впрочем, поразмыслив еще мгновение, он смекнул, что это блестящая возможность.

«Раз молодой господин спрашивает, значит, он наверняка знает о моих делах с семьей Ван. Все эти гадания были лишь предлогом, чтобы развязать мне язык. В его глазах я, Цзи Линьси, вне сомнения, обычный шарлатан. Раз так, не лучше ли чистосердечно признаться во всём и стать услужливым малым? Выложить всё как на духу, рьяно взяться за дело, а там, глядишь, и награда перепадет».

«Так я смогу неотступно следовать за ним, каждый день любясь его красотой, получать от него серебро, да еще и заслуживать его расположение. Разве это не тройная выгода?»

«А если за эти пару дней я выведаю адрес господина в столице и узнаю все его привычки, то позже, сменив обличье и явившись в столицу, смогу подстроить „случайную встречу“.

Опираясь на полученные знания, я быстро стану для него близким другом, родственной

душой».

«Близкий друг... Если мы станем родственными душами, разве трудно будет коснуться его нежной руки, сыграть вместе в шахматы, послушать музыку или выпить вина?»

«Когда же почва для чувств будет готова, я найду способ сварить кашу из сырого риса, а проснувшись, паду на колени и раскрою свое сердце. Окружив господина лаской и нежностью, да приложив накопленное приданое — неужто не сумею я заполучить эту „прекрасную невесту“?»

От таких мыслей Линьси словно прозрел. Он тут же рухнул на колени перед Чу Юем и, изобразив на лице праведный гнев, воскликнул:

— Господин, в этом поместье и впрямь творятся дела нечистые!

В один миг он выложил всё, что знал о происходящем в доме Ванов, продал старого господина со всеми потрохами и закончил с видом оскорбленного благородства:

— Я прикинулся даосом и проник в дом Ванов, объединившись с сообщником, лишь с одной целью: собрать доказательства их преступлений и неуважения к закону! Дабы над Юнчэном вновь воссияло чистое небо справедливости!

Говорил он это с таким жаром и пафосом, будто и впрямь был героем, ни словом не обмолвившись о своем желании просто выманить деньги. Истинный лицемер в обличье мелкого плута.

Янь Хуай, выслушав его, даже забыл о неприязни:

— Семья Ван совсем страх потеряла! По законам династии Лун за надругательство над женщинами полагается оскотление, а следом — плаха!

Этот суровый закон был введен специально, чтобы обуздать негодяев, но молодой господин Ван, уповая на власть канцлера, явно ни во что его не ставил.

Цзи Линьси подхватил:

— Истинно так! Семья Ван перешла все границы!

Он бросил быстрый взгляд на Чу Юя и горестно добавил:

— Вот только уездный судья Юнчэна и префект Цзинчжоу заглядывают Ванам в рот. Нам,

простым людям, остается лишь такими путями искать правды.

Теперь свидетели были, но не хватало вещественных доказательств.

Янь Хуай произнес:

— Если бы вы... — он мельком глянул на коленопреклоненного Линьси и едва не выпалил «Ваше Высочество», вовремя прикусив язык. — Если бы вы открыли свою истинную личность, господин Ван от страха лишился бы чувств и не посмел сопротивляться. Достаточно вызвать уездного судью со стражей для обыска. Старик Ван и его сынок не отличаются умом, они наверняка оставили улики.

Линьси так и замер.

«Открыть истинную личность? Разве он не сын Великого наставника? Разве этого мало? Неужели в происхождении господина кроется иная тайна?»

Пока он размышлял, юноша поднялся с места.

— Если поднимать шум, мне будет трудно оправдаться перед матушкой и отцом.

— Тогда...

Услышав это, Линьси тут же ввернул:

— Сбор улик — дело грязное. Если молодому господину недосуг, поручите это мне! Господин Ван мне доверяет, в поместье у меня свои люди. Найти доказательства не составит труда.

Он поднял лицо — обычное, чуть подкрашенное гримом, но в его глазах-фениксах горел странный, лихорадочный блеск:

— Что прикажете — то и исполню. В сердце моем к вам, господин, нет и тени лукавства.

Янь Хуай вновь посмотрел на Линьси с отвращением. Этот человек не знал ни стыда, ни чести, напоминая ему худших придворных подлиз, чья елейная угодливость вызывала лишь тошноту.

Но сейчас Его Высочеству и впрямь был нужен такой человек.

Янь Хуай понимал замысел принца. Императрица и Его Величество не хотели отпускать наследника из дворца, считая, что он должен пребывать в безопасности столицы. Чу Юй долго притворялся больным, пока лекари не подтвердили, что затворничество губительно для его

духа. Только тогда ему позволили уехать, объявив во всеуслышание, что принц болен и восстанавливает силы. Императрица велела Янь Хуаю охранять его, а Его Величество отправил Второго молодого господина Шэня для сопровождения и присмотра под защитой двух десятков гвардейцев.

Если сейчас раскрыть личность наследного принца и силой подавить Ванов, императрица встревожится из-за разлада с господином канцлером, а император усомнится в истинных целях поездки сына. В следующий раз Чу Юю ни за что не позволят покинуть дворец.

Сам Янь Хуай не мог оставить Его Высочество ни на миг, так что лже-даос и впрямь был лучшим кандидатом для тайного сбора улики.

И всё же, как бы он ни убеждал себя в необходимости этого союза, наследник Янь ощущал растущее раздражение.

Этот безродный плебей всю жизнь не должен был даже мельком видеть Его Высочество, не говоря уже о том, чтобы обнимать его ноги... стоп!

Глаза Янь Хуая округлились от ярости.

«Когда этот мерзавец успел вцепиться в ноги Его Высочества?!»

Дрожа от гнева, он выхватил меч и направил острие на Цзи Линьси:

— А ну, убери свои грязные руки!

Линьси, который во время речи незаметно подползал всё ближе и в порыве «преданности» обнял ноги господина, при виде меча изобразил смертный ужас, хотя в душе лишь посмеивался.

Разве этот вояка посмеет прирезать его на глазах у своего господина?

— Господин, спасите! — вскричал он и, пригибаясь, спрятался за спину юноши.

Поскольку в комнате Чу Юй скинул дорожный плащ, Линьси, обхватывая его, чувствовал сквозь тонкую ткань тепло его тела и вдыхал дивный аромат, исходящий от господина.

«Сейчас я окончательно убедился: семь тысяч ланов — ничтожная цена за это мгновение. Потеряв деньги, я обрел нечто куда более ценное — близость к совершенству. От этого запаха и тепла голова идет кругом, а сердце готово выпрыгнуть из груди».

<http://bllate.org/book/15344/1372722>